

почти не закрепилось во ФЕ (*семеро одного не ждут*), зато их много в таких своих вариантах, как *семь нот, семь цветов спектра, семь звезд Большой Медведицы, семь ветвей Мирового Дерева, магическое число Миллера* (объем оперативной памяти человека); *двенадцать* – 12 созвездий, 12 месяцев и т. д.; с числительным *двадцать*, хотя оно и менее значимо в славянской культуре, сохранились выражения – *рубль двадцаць, не возьмеш за рубль двадцать* и др.

С понятием множественности в восточнославянской ментальности связана мифологема “черту необходимо отдавать все малоценное, имеющееся в большом количестве”, отсюда – *черт не схватит* (очень много), *до черта* (много), *с хвостиком* (с небольшой прибавкой), *с лихвой* (с избытком); белорусский фразеологизм *да ката* (*кат* – ‘враг’, ‘дьявол’).

Поскольку названные оппозиции важны как для устройства мира, так и для устройства общества, рассмотрим их регулятивную функцию в обществе. Например, *верх – низ*. Эта оппозиция нашла отражение в целом ряде фразеологизмов: *по верхам* (поверхностно, не вглубь), *на верху блаженства* (испытывать крайнее удовольствие), *с верхом* (больше обещанного); *ниже всякой критики* (не удовлетворяет элементарным требованиям). С положением *низа* связаны такие фразеологизмы, как *снимать шапку, гнуть спину, ползать на коленях, гнуться в три погибели* в русском языке; *ламаць шапку* (угодничать), *здымаць шапку* (относиться с уважением) – в белорусском языке, значение которых сформировано мифологемой “становиться ниже, сознательно занимать положение внизу”. Таким образом, все эти ФЕ при различных значениях имеют общий компонент – “стать ниже ростом”. Сравн.: *унижаться*.

Каждое из указанных противопоставлений является частью более общей и важной оппозиции, определяющей картину мира славян, – *благоприятный – неблагоприятный*.

Следовательно, язык (фразеологизмы) – феномен культуры, способствующий закреплению и сохранению особой национальной ментальности.

Список использованных источников

- 1 Алексеев, В. П. Историческая антропология / В. П. Алексеев. – М., 1979. – 216 с.
- 2 Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3 / А. Н. Афанасьев. – М., 1865. (2-е изд. – М., 1995).
- 3 Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М., 1974.
- 4 Толстой, Н. И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый – левый, мужской – женский / Н. И. Толстой // Язык культуры и проблемы переводимости. – М., 1987.
- 5 Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
- 6 Шахнович, М. И. Первобытная мифология и философия / М. И. Шахнович. – Л., 1971.

УДК 811.161'373:398.92

О. Н. Мельникова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ИСХОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ 'ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ДВИЖЕНИЮ' В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Предметом рассмотрения в статье является формирование вторичных модальных значений нежелания, невозможности на основе конкретных представлений о действиях, затрудняющих движение. Данная закономерность подтверждается семантическими

особенностями ряда фразеологических и лексических единиц. Работа выполнена на материале восточнославянских языков.

Любое наименование в языке является результатом опыта, поскольку ему предшествует познавательная деятельность человека. Можно предположить, что результаты этой познавательной деятельности, экстралингвистические мотивы переосмысления наиболее наглядно представлены во фразеологизмах, сохраняющих свою внутреннюю форму. Таковыми являются, в частности, фразеологические единицы, формирующие модальную семантику нежелания, невозможности на основе конкретных представлений о действиях, затрудняющих движение.

Закономерность перехода значений ‘быть помехой, преграждать путь’ → ‘препятствовать, сопротивляться’ подтверждается семантической структурой ряда фразеологических единиц. Так, фразеологизм *становиться поперёк дороги (на дороге)* формирует вторичную семантику ‘быть препятствием в достижении какой-либо цели, мешать’ [1, с. 439] на базе исходного значения ‘встав на пути, мешать чьему-либо движению’, сравн. бел. *заступаць дарогу* ‘препятствовать чьей-либо деятельности’ [2, т. 1, с. 415]. Сравн.: *Если женщина станет поперёк моей дороги, то она должна идти за мной: мою дорогу не прерывают безнаказанно* (Достоевский. Подросток).

Связь рассматриваемых значений очевидна в семантической структуре русск. *подставлять ножку / давать (подставлять) подножку* ‘тайно, с умыслом вредить кому-либо, чинить препятствия’ [1, с. 354] (сравн. бел. *падстаўляць нагу (ножку)* [2, т. 1, с. 305], укр. *підставляти ногу (ніжку)* [3, т. 2, с. 127] с аналогичной семантикой), в первичном значении – ‘поставить ногу так, чтобы об неё споткнулся другой человек’: *Он никого не трогает до поры, пока или не представится возможность безопасно и безответственно подставить ножку ближнему или положить камень на пути его* (М. Горький. О пьесах).

Семантику, близкую к модальной, отражают также русский фразеологизм *перебежать (переехать, перейти) дорогу* [1, с. 313], бел. *перабегчы (перайсці) дарогу* [2, т. 2, с. 174], укр. *перетинати (переходити, перерезати) дорогу (шлях)* [4, с. 139] ‘захватить, перехватить то, на что рассчитывал другой’. Сравн.: *Чего вы лютуете на меня, тётушка? Дорогу я вам перешёл или что?* (Шолохов. Тихий Дон). Данные фразеологизмы изначально связаны с суеверными представлениями о том, что человека ожидает неудача или несчастье, если ему перебежит дорогу черная кошка (заяц, прохожий с пустым ведром и т. п.). В свете подобных представлений пересечение пути также расценивается как препятствие, преграда, что и способствует развитию вторичного значения, которое в общем виде можно сформулировать как ‘препятствовать достижению цели’.

На основе представлений о действии, затрудняющем движение, формируется семантика фразеологизма *вставлять палки в колёса* (сравн. бел. *ставіць палкі ў колы* [2, т. 2, с. 385], укр. *ставіти палици в колеса* [3, т. 2, с. 214]) ‘умышленно мешать кому-либо что-либо делать, чинить препятствия’ [1, с. 132]: *Разберитесь и доложите мне сегодня же вечером... Лётчики в поте лица стараются выполнить план лётной подготовки, а разгильдяи вставляют им палки в колёса* (Г. Гофман. Рождение подвига).

Таким образом, можно говорить о закономерной мотивации модальной семантики нежелания, невозможности значением ‘преграждать путь, препятствовать движению’.

Показательно, что аналогичные семантические закономерности отражают фразеологизмы с антонимической семантикой разрешения, возможности, сравн. русск. *дать (уступить) дорогу, отойти в сторону* ‘перестав препятствовать, предоставить возможность действовать, выдвинуться в какой-либо области’ [1, с. 135], бел. *саступаць дарогу, сыходзіць з дарогі* ‘то же’ и ‘идти на уступки, соглашаться с чьими-нибудь требованиями’ [2, т. 2, с. 313], укр. *давати дорогу, уступати з дороги* ‘дать возможность действовать’ [3, т. 1, с. 141], русск. *открыть дверь (дорогу)* [1, с. 283] и бел. *адчыніць дзверы, адкрыць дарогу* ‘дать свободный доступ, создать благоприятные условия’ [2, т. 1, с. 60, 70].

Наблюдения над языковым материалом позволяют говорить о семантической типологии, поскольку в рамках рассматриваемого направления формируется также вторичная модальная семантика ряда восточнославянских лексем, объединённых семантикой нежелательности, которая мотивирована исходным значением 'препятствовать движению; преодолевать препятствие'.

Подобные закономерности прослеживаются в семантическом развитии славянских продолжений глагола **borniti*, также связанных с выражением нежелания, невозможности: др.-русск. **боронити** 'мешать, препятствовать' [5, т. 1, с. 153], русск. устар. *возбранить* 'запретить, не дозволить' [6, т. 1, с. 251], бел. *бараніць, забараняць* 'запрещать, не разрешать' [7, т. 2, с. 457; 8, с. 169], укр. *боронити, заборонити* 'запрещать, запретить' [9, т. 1, с. 88; т. 2, с. 7]. Модальные значения, свойственные данным лексемам, являются вторичными, производными от исходной семантики действия, направленного на преодоление препятствия и связанного с приложением усилий, сравн.: др.-русск. *боронити* 'защищать' [5, т. 1, с. 153], русск. *боронить* 'разрыхлять, обрабатывать бороной вспаханную землю' [6, т. 1, с. 129], бел. *бараніць* 'бороновать', 'защищать' [7, т. 1, с. 327; 8, с. 169], укр. *боронити* 'оборонять, защищать', 'бороновать' [9, т. 1, с. 88]. Отыменной глагол **borniti* восходит к праслав. **bornь, *borna* (сравн. др.-русск. **боронь** 'помеха, препятствие', 'борьба', **борона** 'защита' [5, т. 1, с. 154], русск. *борона* 'сельскохозяйственное орудие для разрыхления вспаханной земли' [6, т. 1, с. 129], бел. *барана*, укр. *борона* с аналогичными значениями, а также ст.-чеш. *braň* 'оружие', 'оборонительное укрепление', 'защита, сопротивление', чеш. *brana* 'вход, въезд, ворота', сербохорв. *brána* 'плотина, запруда', 'вид бороны', 'преграда', ст.-польск. *brona* 'ворота', 'борона' [10, вып. 2; с. 204, 208]) и, далее, к глаголу **borti (se)*, семантика которого в общем виде может быть определена как 'сопротивляться чему-либо, стараться преодолеть или уничтожить что-либо', сравн. русск. *бороть(ся)*, бел. *бароць, бароцца*, укр. *бороти(ся)*.

Таким образом, модальное значение нежелания формируется на основе семантики конкретного действия, сопровождающегося приложением усилий и направленного на преодоление препятствия.

В рамках рассматриваемого семантического перехода формируются модальные значения некоторых продолжений праславянского глагола **brъzditi*, сравн. укр. *бороздити (кому що)* 'делать кому наперекор, мешать кому-либо' [9, т. 1, с. 87], русск. диал. *бороздить* 'мешать, препятствовать' [11, вып. 3, с. 96], а также польск. *bruździć* 'мешать, препятствовать' [10, вып. 3, с. 62]. Исходную семантику выражают русск. *бороздить* 'прорезывать, проводить борозды' (*борозда* 'длинный прорез, глубокая черта, проведённая на поверхности земли плугом или другим пахотным орудием' [6, т. 1, с. 129] – сравн. др.-русск. **бърозда** 'бразды, удила' [5, т. 1, с. 211], а также чеш. *brzda* 'тормоз' [10, вып. 3, с. 62]), русск. диал. (пск., твер., тул.) *бороздить* 'о лошадях: сдерживать на удилах', *барóздить* 'мешать жидкое кушанье руками' [11, вып. 3, с. 96].

Аналогично развивают вторичную модальную семантику лексемы, восходящие к праслав. **per-къ*, и, далее, к служебному слову **per-*, основное значение которого – 'движение сквозь, через, сверх' [12, с. 39]. Исходная семантика данных лексем отражает движение, перемещение в пространстве, связанное с преодолением преграды, сравн. русск. *перечить* 'делить, резать, рубить поперёк' (*Ребята ушли дрова перечить*) и 'спорить, опровергать, утверждать противное' [13, с. 98], 'говорить, поступать наперекор кому-, чему-либо' [6, т. 3, с. 148], бел. *перечиць* 'пересекать' (*Перечиць мне дорогу*) и 'спорить, вопреки говорить', 'запрещать, препятствовать', *перечицьца* 'становиться поперёк' и 'сопротивляться, не соглашаться', *перечка* 'препятствие' и 'сопротивление, отговорка' [14, с. 411], укр. *перечити* 'прекословить, противоречить' [9, т. 3, с. 144], диал. *заперети* 'закрыть на ключ' и 'не разрешить, запретить' [15, т. 1, с. 279], *сперти* 'задержать', 'поймать, схватить' и 'запретить, не дозволить' [15, т. 2, с. 241].

К этому же этимологическому гнезду относятся др.-русск. **прѣтити** 'удерживать, останавливать' и 'быть суровым, строгим; угрожать' [5, т. 2, с. 1705], русск. *претить*

‘вызывать отвращение’, *запретить* ‘не разрешить делать что-либо’ [6, т. 1, с. 768], диал. *запрётить* ‘заупрямиться’ [11, вып.с. 10, 355], укр. *запретити* ‘удержать’ (*Людям языка не запретиши*), *запретитися* ‘отречься’ [9, т. 1, с. 85].

Русский глагол *препятствовать* ‘создавать помехи, задерживать действие или развитие чего-либо’ по происхождению связан с праслав. **peṭi* ‘напрягать, натягивать’ [16, с. 292], сравн. значения русск. устар. *препинать* ‘останавливать кого-, что-либо какой-либо препоной, препятствием’ [6, с. 3, 183], диал. *запинать* ‘перегораживать, загораживать (реку и т.п.)’, ‘закрывать (двери, окна)’ [11, вып. 10, с. 319], бел. *спыніць* ‘остановить, удержать’, *прыпыніцца* ‘остановиться на некоторое время’ [7, т. 4, с. 252], укр. *пинити* ‘мешать, препятствовать’, *припинати* ‘привязывать’, *припиняти* ‘останавливать, удерживать’, *спинати* ‘застёгивать, скалывать’, *спинатися* ‘застёгиваться’, ‘становиться на дыбы (о лошади)’ и ‘спорить, восставать против кого’ [9, т. 3, с. 431; т. 4, с. 175]. Праслав. **peṭi* родственно лит. *pinti* ‘плести’, арм. *henim* ‘тку, сшиваю’, греч. *πένομαι* ‘работаю’, гот. *spinnan* ‘прясть’, *srapnen* ‘напрягать, натягивать’ [16, с. 292]. Таким образом, семантика конкретного действия, сталкивающегося с определённым сопротивлением, характеризующегося приложением усилий, является исходной и выступает в качестве основы формирования вторичного модального значения нежелания, невозможности.

Сходные закономерности прослеживаются в семантической структуре глагола *тянуть* и производных, сравн.: *тянуть* ‘напрягаясь, тащить к себе; натягивая, тащить или расправлять’ и ‘медлить с осуществлением чего-либо’ (*тянуть с ответом*), *оттянуть* ‘потянув, отодвинуть назад, в сторону’, ‘увести силой, оттащить кого-либо сопротивляющегося, упирающегося’ и ‘перенести осуществление чего-либо на более поздний срок’ (*оттянуть время* ‘выиграть время, намеренно медля с чем-либо’), *затянуть* ‘туго стянуть концы, завязывая, закрепляя что-либо’ и ‘продлить, замедлить что-либо; задержать что-либо’ (*затянуть дело*) [6, т. 1, с. 807; т. 2, с. 987].

Связь модального значения ‘препятствовать, сопротивляться’ с представлениями о пересечении, перегораживании отражается в семантической структуре продолжений праславянского глагола **gatiti*, производного от имени **gaty* ‘плотина, ограда’ [10, вып. 6, с. 108]. Сравн.: русск. диал. *гатить* ‘делая плотину, запруживать’ и ‘портить что-либо’ [11, вып. 6, с. 152], а также словен. *gátiti* ‘запруживать, перегораживать плотиной’ и ‘препятствовать, мешать’, чеш. *hatiti* ‘делать гать, запруду’, ‘спутывать’ и диал. *hatit se* ‘сопротивляться, проявлять неудовольствие’, словц. *hatit* ‘задерживать, препятствовать’ [10, вып. 6, с. 105].

Семантический переход ‘препятствовать движению’ → ‘быть помехой в достижении цели’ отражает черты, свойственные как метафорическому, так и метонимическому переносу. С одной стороны, данная трансформация значений основывается на метафорическом сходстве физических и эмоционально-волевых проявлений; с другой стороны, между понятиями направленного движения в пространстве и стремления к осуществлению цели существует метонимическая смежность, сопредельность.

Список использованных источников

- 1 Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л. А. Воинова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров ; под ред. А. И. Молоткова. – М. : Сов. Энциклопедия, 1967. – 543 с.
- 2 Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Бел. Энциклапедыя – Т. 1: А–Л. – 1993. – 590 с.; Т. 2: М–Я. – 1993. – 670 с.
- 3 Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови: в 2 т. / Г. М. Удовиченко. – Київ : Вища школа. – Т. 1: А–М. – 1984. – 303 с.; Т. 2: Н–Я. – 384 с.
- 4 Олійник, І. С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / І. С. Олійник, М. Н. Сидоренко. – Київ : Радянська школа, 1978. – 446 с.
- 5 Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I. – 1420 с.; Т. II. – 1802 с.

6 Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР ; Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык. – Т. 1: А–И. – 1981. – 698 с.; Т. 2: К–О. – 1982. – 736 с.; Т. 3: П–Р. – 1984. – 752 с.

7 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мінск : Гал. рэд. БелСЭ. Т. 1.: А–В. – 1977. – 608 с.; Т. 2.: Г–К. – 1978. – 768 с.; Т. 4: П–Р. – 1980. – 768 с.

8 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч [і інш.]; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка. – Т. 1. – 1979. – 512 с.

9 Словарь украинского языка / под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев : Изд-во АН Укр.ССР, 1958–1959. – Т. I–IV.

10 Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1974–1999. – Вып. 1–26.

11 Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – М.–Л. : Наука, 1965–1966. – Вып. 1–2; Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1968–1994. – Вып. 3–28.

12 Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. II. – 560 с.

13 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989–1991. – Т. III. – 555 с.

14 Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мінск : БелСЭ, 1983. – 792 с.

15 Онишкевич, М. Й. Словник бойківських говірок / М. Й. Онишкевич. – Київ : Наукова думка, 1984. – Т. 1–2.

16 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.; пер с нем. и доп. О. Н. Трубачёва / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс. – Т. 3: Н–С. – 1987. – 830 с.

УДК 81'06:811.161.1

А. В. Никитевич

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Знание отношений мотивированности, связывающих родственные слова, совершенно необходимо для выявления словообразовательной и морфемной структуры слова. Фразеология нередко является единственным основанием для определения наиболее верной мотивировки внутренней формы того или иного слова.

У словообразования, словообразовательной лексикографии есть своя специфика. Когда дериватолог, исследуя систему словообразования русского языка, стремится отразить максимально большее число родственных единиц сквозь призму существующих между ними словообразовательных связей, стремится «выстроить» тот или иной фрагмент словообразовательного гнезда, то он не может не учитывать и отношения мотивированности, которые могут иметь место между родственными словами. Известно, сколь многотруден путь создания диалектных словарей, как собирается диалектный материал, понятно, почему, помимо различных лексикографических трудов регионального характера, большое значение придается словарям сводного типа и диалектным мотивационным словарям, в которых представлено все богатство лексических и словообразовательных мотивационных связей, «объясняющих» специфику появления тех или иных диалектных слов.

Существует некий межуровневый контекст, которым «объясняются», «становятся понятными» носителю языка функционирующие в той или иной языковой подсистеме слова. За содержанием, к примеру, диалектного слова может стоять целый пласт интересной культурно-исторической информации, исчерпывающе и порой единственно верно все